

УДК 94(82)(=161.3)

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШАБЕЛЬЦЕВ

Минск, БГМУ

УРОЖЕНЦЫ БРЕСТЧИНЫ В АРГЕНТИНЕ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭМИГРАНТОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

История жизни уроженцев брестчины, покинувших Беларусь и искавших счастья в Аргентине, является предметом изучения не только интересным, но и весьма познавательным. Это исследование судеб людей, которые решились уехать, бросили вызов повседневной обыденности и размеренности, прошли через горнило экономических тягот и обосновали свой дом вдали от родины. Перипетии жизни эмигранта были насыщены не только яркими впечатлениями от экзотической природы и культуры, но и трудностями адаптации в новой стране проживания. Поэтому встречи с соотечественниками в Аргентине, воспоминания о прошлом на родине носили у них сильный эмоциональный характер. Для проведения свободного времени, помощи в поиске работы или в строительстве земляки объединялись в компании, создавали свои общественные организации. При этом научный интерес вызывает вопрос: а кто для уроженцев с территории современной Брестской области являлся «своим»? С кем они себя отождествляли?

Данная статья посвящена проблеме идентификации в Аргентине крестьян-уроженцев брестчины, которые эмигрировали из II Речи Посполитой в период с 1921 по 1939 г. Источниками являются воспоминания реэмигрантов из Аргентины, эмигрантские издания белорусов в Буэнос-Айресе, а также переписка уроженцев современной Брестской области с советскими обществами по связям с соотечественниками за рубежом «Родина» (Москва) и «Радзіма» (Минск).

Прежде всего, нужно отметить, что в Аргентине учет всех иммигрантов ведется не по этничности, а по гражданству страны, откуда они прибыли. Поэтому все граждане межвоенной Польши регистрировались как «поляки», которых в Аргентине в конце 1930-х гг. насчитывалось около 220 тыс. человек. Они стали заметным социальным явлением в аргентинском обществе и в межвоенный период составляли около 1/3 иммигрантского контингента, заняв место вслед за итальянцами и испанцами. Среди эмигрантов из II Речи Посполитой выходцы из Западной Беларуси составили свыше 30 тыс. чел. Только в период с 1926 по 1938 г. в Аргентину выехало: из Белостокского воеводства 7916 чел., из Виленского – 7583 чел., из Новогрудского – 3904 чел., из Полесского – 12359 чел. [1, с. 305].

Всех переселенцев из II Речи Посполитой, которые внешне отличались от местных креолов и уроженцев южной Европы, аргентинцы называли «поляками». Предприниматели при найме на работу часто выбирали их, поскольку эмигранты из межвоенной Польши имели репутацию ответственных работников. Поэтому аргентинцы порой относились к приезжим негативно: «Все мы для местных жителей «поляко»... Это говорилось брезгливо, и к этому слову могли прибавить какой-нибудь нехороший эпитет. Отец говорил: первое время жизни в Аргентине он чувствовал себя чужим, нелюбимым. Местный народ (только не испанцы, итальянцы) не любил так называемых «поляко», потому что, если была какая-то работа, то брали «поляко» (они все добросовестно выполняли). В быту эта неприязнь проявлялась в том, что в случае конфликта в транспорте, если случайно окажется «поляко», то виноват будет он. Хотя

бы он и не знал, в чем дело, и случайно там оказался, все равно виноват «поляко»» [2, с. 202-203].

Однако, далеко не все уроженцы брестчины отождествляли себя с Польшей: они вынуждены были в свое время покинуть родные места из-за материальной неустроенности и отсутствия перспектив, в чем эмигранты винили польское правительство. К этому добавлялся негатив от проводимой варшавским руководством политики ополячивания и попытками окатоличивания жителей Западной Беларуси. Многие взрослые эмигранты родились еще в период, когда Западная Беларусь являлась частью Российской империи. Поэтому часть эмигрировавших с брестчины считала эту территорию «русской», а ее вхождение в состав Польши после 1921 г. недоразумением. В таком случае эмигранты считали себя «русскими». Например, уроженец давидгородского района Федор Комик в 1957 г. писал в Москву: «Мое сердце всегда в России. Я имею 53 года и никаких документов не имею. Польский паспорт забросил, как только приехал до Аргентины. Потому что польского буржуазного правительства ненавидел. Я рожден 10 августа 1903 г. ... Родился Русским и помру Русским» [3, л. 6]. Привезенный родителями в Аргентину в 1937 г. уроженец деревни Нечатово (пинщина) Валентин Ивашкевич в 2010 г. в беседе с автором этих строк утверждал: «Мы всегда назывались «русскими». И я русский – так воспитала меня мама, так я себя чувствую. Тогда ни «украинцами», ни «белорусами» не назывались – все «русские»».

Если еще до отъезда в Аргентину крестьяне с брестчины считали польский режим оккупационным и временным, то в этом случае самокатегоризация «русский» превалировала, причем белорусы и украинцы рассматривались как части русского народа. Неудивительно, что потомки украинцев и белорусов, в настоящее время живущие на севере Аргентины в штате Мисьонес, когда в 1987 г. создали свою организацию, то назвали ее «Русская Община Мисьонеса». До недавнего времени ее руководителем (и параллельно Почетным консулом Российской Федерации в этом штате) являлась Зенона Забчук, отец которой является уроженцем деревни Катминовцы, расположенной около Баранович.

Таким образом, при идентификации эмигрантов большое значение имело понятие «родины», под которой часто понимается государство, а не просто та местность (город, село и т. п.), где человек появился на свет и вырос. Если человек получил образование на польском языке, был воспитан на героических примерах из польского прошлого, то у него могло сформироваться представление о себе, как о поляке, пусть даже и отличающемся своим полесским деревенским говором от остальных. Например, старшие братья В.Ивашевича до эмиграции окончили польские школы, и в Аргентине входили в общества, где общались поляки, не смотря на то, что Ивашевичи – православная семья. Выходит, они являлись «поляками» и «русскими» одновременно. Подобных людей в современной Польше называют «русскими поляками», то есть таким термином обозначают православных, которые всё же считают себя поляками.

Частью какого бы сообщества не являлись уроженцы брестчины – «поляко» или «русско» – они в обоих случаях оказывались в полиэтничном сообществе. Ведь под «поляко» в Аргентине понимались и собственно поляки, и украинцы, и белорусы, приехавшие из II Речи Посполитой. С другой стороны, на берегах Ла-Платы термином «русско» местные жители в середине XX в. чаще всего называли представителя еврейской этнической группы. Выше уже говорилось о том, что учет иммигрантов в Аргентине ведется по их стране выхода, а до 1914 г. из Российской империи в Аргентину переезжали в основном евреи. Данное обстоятельство очень не нравилось отдельным полешукам, и уроженец деревни Цыбки Дрогичинского р-на Степан

Самасюк писал: «Тут не уважают евреев, поляков и русских. Тут лишь бы имел голову белую, то тебя уже зовут Поляко или Русо. Тут 1905 года приехало много евреев из России, они сами себя называли «руссо», т. е. русскими. То они опачкали весь русский народ» [4]. Иосиф Пронько, сын уроженца деревни Домаша Ляховичского района, отметил ту же ситуацию: «Переселенцев из Польши всех называли «поляко», а евреев «руссо». Если идем в магазин к еврею, то говорим: «Идем к русскому». А белорусы – это «поляко»» [2, с. 275].

Тут следует уточнить, что не все уроженцы брестчины называли себя «белорусами»: из-за схожести полесских и северо-западных украинских диалектов полешуки могли называть себя «украинцами». «Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 г.», выходявший в Буэнос-Айресе, отметил: «Многие белорусские эмигранты, особенно из Полесья, мало отличались от украинцев, как в языке, так и в традициях, сами не могли определить белорусы они или украинцы, и охотно вступали в украинские организации» [5, с. 81]. Отметим только, что если белорусы и украинцы совместно создавали общества, то они всегда носили прокоммунистический и интернационалистический, а не национально украинский характер. Белорусы могли занимать даже руководящие должности в таких «прогрессивных» украинских организациях: например, Сигизмунд Маркушевский (уроженец деревни Тешевля Барановичского р-на) некоторое время был председателем такого украинского общества имени Тараса Шевченко.

Выше уже говорилось о том, что польский режим на Западной Беларуси многие уроженцы современной Брестской области считали оккупационным и временным. Им представлялось, что образцом государственного устройства является Советский Союз («Советская Россия»), руководство которого утверждало, что на его территории установилась власть трудящихся под руководством коммунистической партии. Если эмигранты из Западной Беларуси симпатизировали СССР и имели какие-то этнические особенности, отличавшие их от поляков, но у них были трудности с идентификацией, то после сентября 1939 г. эти трудности разрешались. Уроженцы западных белорусских земель, которые вошли в состав БССР, теперь ясно видели, что их родина – Беларусь, и после этого многие не ломали голову над тем, кем являются: они – белорусы. При этом, часто «великой родиной» они считали всё советское государство, а себя называли советскими людьми.

Как идеологическая прокоммунистическая ориентация могла влиять на самокатегоризацию эмигрантов можно проследить на примере Антона Коршуна, родившегося в 1893 г. в деревне Смоленики (теперь Ляховичский район). Он окончил русскоязычную школу, во время гражданской войны короткое время служил в Красной Армии. В 1930 г. выехал в Аргентину, где спустя год стал членом эмигрантской организации «Дом Польский». Из этого польского общества он вышел, участвовал в коммунистическом движении в Аргентине, а в 1937 г. стал одним из создателей и руководителей общества «Белорусская библиотека имени Ивана Луцкевича». Во время войны участвовал в деятельности по сбору средств для СССР, и в 1964 г. он вернулся на родину, жил до самой смерти в Смолениках. Этот бывший эмигрант-католик, будучи «советским патриотом», в переписке с друзьями (писал по-русски и по-польски) всегда говорил не о Беларуси, а об СССР, а если затрагивал Беларусь, то только как частный советский случай. В своей автобиографии, которую направил в общество «Радзіма», в абзаце, где он рассказывает о своей работе в украинско-белорусской организации, есть выражение: в Аргентине «познакомился с людьми из наших регионов польских» [6]. То есть, «наши» регионы – это та территория Польши, которая в 1939 г. стала частью СССР, и А.Коршун «своими» считал всех советских людей, но так как сам уроженец

Беларуси, то он «белорус». Интересно, что когда автор этих строк спросил у внучки А.Коршуна: кто по национальности был ее дед? В ответ услышал: «Так ведь католик он был, поляк». Таким образом, налицо сложная, изменчивая во времени идентификация А.Коршуна: как гражданин Польши в Аргентине и как католик он считался поляком; одновременно он считал себя белорусом, на что указывает его участие в работе белорусского общества эмигрантов; после присоединения Западной Беларуси к СССР он уже стал советским гражданином (он принял советское гражданство).

Симпатизируя СССР и приветствуя социалистические порядки на родине, белорусы во время Великой Отечественной войны создавали национальные комитеты, а также входили в объединенные славянские комитеты помощи СССР. Составной характер их идентификации содействовал тому, что белорусы легко вступали в межнациональные объединения эмигрантов. Многие стали активистами славянского движения в Аргентине: морально поддерживали СССР, собирали помощь для «Советской Родины» во время войны и несколько лет после ее окончания. Белорусские организации также стали местом притяжения для представителей украинцев и русских, желавших помогать СССР. Примером этого является состав Белорусского Центра Помощи Родине (БЦПР), который был организован белорусскими эмигрантами и который включал в себя и представителей других национальностей. Примечательно, что среди девяти известных активистов БЦПР трое – С.Маркушевский, А.Коршун, П.Мурин (из деревни Малые Мурины Каменецкого р-на) – являлись уроженцами брестчины.

Белорусский центр помощи родине

Известны следующие лица (справа налево). Сидят: 1 – И. Штангрет (украинец), 2 – П. Трушкин, 3 – Е. Саливончик, 4 – В. Круковский (глава БЦПР), 7 – С. Маркушевский, 8 – С. Стапан (русский белоэмигрант). Стоят: 1 – А. Коршун, 2 – И. Василевский, 4 – П. Мурин.

В послевоенное десятилетие советская идентификация выходцев из Западной Беларуси усилилась. Это было связано, в первую очередь, с деятельностью посольства

СССР, которое появилось в Буэнос-Айресе в 1946 г. Теперь эмигранты смогли поменять свои прежние польские паспорта на советские. Затем постепенно были закрыты просоветские белорусские национальные общества и в начале 1950-х гг. были сформированы культурно-спортивные клубы советских граждан, в которые входили украинцы, белорусы, русские, литовцы и представители других народов СССР. В Буэнос-Айресе и в провинции работали клубы им. М. Горького (5000 членов), им. Н. Островского (2000 чел.), им. В. Белинского (2000 чел.) и другие.

Таким образом, уроженцы брестчины в Аргентине не представляли собой особую этническую группу, а являлись частью русских, польских, белорусских и украинских эмигрантских сообществ. Отсутствие независимого белорусского государства и школьного образования на белорусском языке приводило к тому, что эмигранты не всегда могли отождествлять себя как белорусы. Их идентификация часто имела сложный характер, что было вызвано разностью представления о том, что для них является родиной, а также языковыми и религиозными отличиями среди них. Если эмигранты своей родиной считали Польшу, то в этом случае уроженцы Беларуси могли считать себя «русскими поляками», «белорусами, как часть польского этноса», а то и просто «поляками». Если под родиной понималась Россия, то иммигранты называли себя «русскими» или «белорусами» (в том смысле, что это часть русского этноса). После присоединения Западной Беларуси к СССР переселенцы часто ассоциировали себя с советским народом. Последнее, с одной стороны, укрепляло «белорусскость» уроженцев брестчины, так как их малая родина стала частью БССР. Но с другой стороны, при низком белорусском самосознании эмигранты брали в качестве примеров советские культурные образцы. А последние были, как правило, русскими или, по крайней мере, русскоязычными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваль В.У. Узаемасувязі беларускай і ўкраінскай дыяспар у міжваенны перыяд / В.У. Коваль. – Мінск: РІВШ, 2012. – 313 с.
2. Шабельцаў С.В. Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930-1960-я гг.) Зборнік дакументаў і ўспамінаў / С.В. Шабельцаў. – Мінск: Мэдысонт, 2009. – 368 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р9651. – Оп. 2. – Д. 135.
4. Таварыства па сувязях з суайчыннікамі за мяжой «Радзіма». – Папка Сцяпан Самасюк – Ліст ад 5 жніўня 1966.
5. Белорусская эмиграция в Аргентине и ее Культ-Организации // Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 год Федерации белорусских обществ и организаций в Аргентине. – Буэнос-Айрес, 1942. – С. 78-84.
6. Таварыства па сувязях з суайчыннікамі за мяжой «Радзіма». – Папка Антон Коршун – Автобиография А.Коршуна.